

радостях заключенных, щедрые подарки и, наконец, заключительная фраза Повести о том, как пошла слава о белом клобуке „во все царства и страны“, через „многих стран и градов людей, приходящих в Новгород“.

Анализ содержания Повести о новгородском белом клобуке, выяснение ее источников и методов их использования приводит нас к следующим выводам.

В первой части Повести, хронологически наиболее отдаленной от той эпохи, до которой доведено повествование, автор использует некоторые известные в XIV—XVI веках исторические, агиографические и церковно-полемические произведения. Два из них автор прямо называет в заглавии своего произведения, и их легко выделить из самого текста Повести. Это — Житие Константина и Псевдоконстантинова грамота, использованные в совершенно равной степени. Начиная со второй части, таких заимствований уже не обнаруживается, и автор Повести самостоятельно сочиняет свое произведение, хотя, например, вторая часть написана в духе бытовавших в XV—XVI веках церковно-полемических, антикатолических произведений. Наконец в четвертой, последней части Повести местная новгородская легенда, легшая в основу всего произведения, разрабатывается уже непосредственно, без привлечения каких-либо литературных источников, и здесь автором использован ряд фольклорных образов и приемов. Таким образом элементы „от истории римския“ обнаруживаются лишь в первой половине первой части нашей Повести, т. е. составляют ничтожную ее часть; при этом один из этих элементов — Грамота — в первой пространной редакции полностью ассимилирована составителем Повести, который не только превратил „венед“ царя Константина в новгородский белый клобук, но и целиком переосмыслил ее идейно-политическое содержание. Основную политическую идею этого произведения — идею обоснования особых прав и привилегий римского папы — автор Повести целиком отверг, взяв из этого источника только то, что ему было нужно для доказательств „святости“ клобука, обладателем которого стала „Русская земля“.

Все это дает основание считать Повесть о новгородском белом клобуке произведением не заимствованным, а оригинально русским. Это не русский вариант Псевдоконстантиновой грамоты, как утверждали некоторые дореволюционные ученые, а разработка местной новгородской легенды с привлечением некоторых других источников, в число которых вошла лишь незначительная часть этой пресловутой грамоты.

Когда могла появиться легенда, легшая в основу Повести о белом клобуке, и что она собой представляла?

В первоначальном своем виде легенда о присылке белого клобука архиепископу Василию могла сложиться только сразу после смерти последнего,¹ так как менее чем через 100 лет имя этого некогда знаменитого „владыки“ было забыто или, вернее, сознательно замалчивалось в Новгороде. Когда в первой половине XV века архиепископ Евфимий II стал усиленно насаждать культ местных новгородских

¹ При жизни архиепископа Василия этой легенды, очевидно, еще не существовало: если бы белый клобук уже тогда считался „святым“, созданным „первым христианским царем“, то его не скоронили бы вместе с Василием. Д. Ф. Кобеко (Опыт исправления текста „Беседы о святых Царьграда“. Известия ОРЯС, кн. 3, 1897) и А. Д. Седельников (Vasilii Kalika. L'histoire et la legende. Revue des études Slaves, t. VII, 1927) относят возникновение легенды о белом клобуке ко времени Василия.